

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

Власть Распутина¹

Все началось в 1906 году. «Памятная и злосчастная дата в российской истории, — написал в своей книге о царице Морис Палеолог, последний французский посол при российском императорском дворе. — С того момента император с императрицей принялись стремительно уничтожать монархию собственными руками», фактически сокрушая самодержавие, без которого, по их собственному непоколебимому убеждению, «не могла существовать Россия». 1906 год стал отправной точкой их пути на Голгофу, ибо в середине того года под покровительством великого князя Николая, будущего главнокомандующего, и его жены, черногорской княгини Анастасии, по рекомендации ректора Санкт-Петербургской духовной академии, известного аскета, духовника царицы архимандрита Феофана во дворце появился «святой человек», «наш Друг» Григорий Ефимович Новых — Распутин.

О молодых годах этой поразительной личности мало известно.

Мужик, который на всю жизнь остался практически без грамоты, родился в селе Покровское Тобольской губернии, юность провел в драках, пьянстве, распутстве (отсюда прозвище), ни на что хорошее был не способен, жил мелкими кражами по примеру своего отца, осужденного за конокрадство.

Подобно многим сибирским крестьянам, Распутин занимался извозом, порой доставляя случайных пассажиров до самых дальних губернских местечек. Однажды его нанял монах, совершавший паломничество в далекий монастырь. Они разговорились. Монах, видно, затронул молчавшую до той поры струнку в душе деревенского бабника

---

¹ Печатается по: Керенский А. Ф. Трагедия династии Романовых. М.: Центрполиграф, 2005. С. 28–51.

и шалопая. Образ жизни молодого человека резко изменился: он покался, обратился к вере, со всей силой своего темперамента предавался молитве, посту, посещению храмов.

После долгого пребывания в монастыре Распутин вернулся в родную деревню полностью преобразившимся. Но вскоре бросил семью и хозяйство, пустился в бесконечные странствия по российской земле, перебираясь из одного монастыря в другой. Потом сам стал проповедовать, обрел «сестер»-учениц, разработал собственную доктрину греха и покаяния — смесь фанатичной религиозности с отчаянной эротикой. О нем быстро пошли преувеличенные слухи по всей стране, рассказы о его святости, божественном вдохновении, скандалах и оргиях доходили до Санкт-Петербурга.

В Распутине богохульно смешивались добро и зло. В интервью, опубликованном в «Новом времени», он рассказывал, как в Сибирь к нему ездили приближенные к императорскому двору дамы. «Я полагал, что надо их смирить, унижить. Когда человек унижится, он многое постигает... И вот в этом диком заблуждении я заставлял их идти со мной в баню. Их было двенадцать женщин. Они мыли меня и претерпели все унижения...»

Бурные годы первой революции (1904–1905) Распутин провел уже в Санкт-Петербурге. Звезда его восходила стремительно. Он бывал у высокопоставленных церковных деятелей, в религиозных обществах, молодежных ассоциациях, особенно в женских. Женщины служили главной опорой влияния и славы «святого чёрта».

Вот что рассказывает о повседневной жизни Григория бывавшая у него дама: «Он сильно пил, в то время я его часто видела пьяным... вокруг толпился рой поклонниц. Ни одну женщину за стол с собой не сажал, в рабочий кабинет не пускал, но часто на глазах у всех без стеснения уводил ту или другую в постель к себе в комнату. Пьяный, как правило, сам приставал, а когда бывал в нормальном состоянии, женщины проявляли инициативу... Я не раз слышала его проповеди, в которых религия сочеталась с небывалой похотью. “Думаете, я вас оскверняю, ничего подобного, наоборот, очищаю” — такова была его основная идея».

Тем не менее, как обычно бывает в России с полуфанатиками-полусарлатанами (не стоит считать Распутина уникальным в своем роде типом), когда того требовали обстоятельства, Григорий с легкостью переходил от самых безобразных оргий к настоящему молитвенному экстазу. Получив наконец доступ к архимандриту Феофану, ректору Санкт-Петербургской духовной академии, настоящему аскету, жившему святой монашеской жизнью, Распутин ошеломил и очаровал его своим

«молитвенным даром», заразительной силой веры, инстинктивной мудростью толкования Евангелия, несмотря на невежество и сумбур в голове.

Благословение архимандрита Феофана, а также Гермогена, другого влиятельного епископа, окончательно утвердило за Распутиным репутацию святого, пророка, чудотворца в великосветских салонах, где в то время в моде было православие вперемешку со всевозможной мистикой. Первое место среди блистательных салонов принадлежало гостиним двух сестер, так называемых «черногорских великих княгинь», дочерей короля Черногории. Одна из них, Милица, была женой великого князя Петра, другая, Анастасия, после развода с герцогом Лейхтенбергским вышла за великого князя Николая. Обе в то время поддерживали прекрасные дружеские отношения с императрицей Александрой, и именно они по рекомендации Феофана, духовника царицы, представили Распутина императорской семье. Впоследствии честный, чистый Феофан выступил против него, за что впал в немилость. Черногорских сестер Распутин устранил из окружения государыни, как только получил доступ в царскосельский дворец. Во время войны главнокомандующий великий князь Николай (также один из его первых поклонников), получив телеграмму с просьбой разрешить Распутину посетить Ставку Верховного главнокомандующего, кратко ответил: «Милости просим. Повешу немедля».

Первая встреча старца с государем и государыней состоялась в 1906 году. За десять лет, к декабрю 1916 года, когда близкий родственник царя убил его, «чтобы спасти Россию и династию», он достиг вершин власти. Как это случилось? Каким образом безграмотный мужик с более чем сомнительной репутацией проник в императорский дворец и почему его присутствие навлекло беду на императора? Все уже сказанное мной о Распутине очевидно доказывает, что появление «святого черта» во дворце не имеет никакого отношения к государственным делам, его вмешательство в политическую жизнь страны вовсе не объясняется ни системой власти (даже самодержавием, которого в любом случае после 1905 года уже не существовало), ни «азиатским» характером российской общественной жизни. Нет, Распутин вписался в семейные хроники дома Романовых, в национальную историю абсолютно случайно, благодаря исключительно личному фактору. А именно благодаря Александре Федоровне, женщине даже не русской ни по происхождению, ни по воспитанию, ни по духовному складу.

Императрица, до замужества принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская, была любимой внучкой королевы Виктории (ее мать, Алиса Гессенская, дочь английской королевы), которую та лично

рекомендовала царю Александру III в качестве будущей супруги цесаревича Николая. Замечу, что заслуженное ею во время войны прозвище «немка» меньше всего на свете применимо к Александре Федоровне. Она получила чисто английское образование и воспитание, определявшее ее симпатии и антипатии, не любила даже говорить по-немецки, сына этому языку не учила. Кто разглядел бы в юной веселой красавице, «виндзорском солнечном лучике», будущую московскую царицу, замкнутую в себе, одержимую истерией, фанатично православную, словно вышедшую из XVII века? Но милая улыбчивая принцесса несла в себе семя будущей катастрофы. В ее крови жил и экзальтированный мистицизм матери, и неизлечимое наследственное заболевание гемофилия, передающееся по материнской линии детям мужского пола. Можно даже сказать, что карикатурный образ Распутина рядом с Александрой Федоровной напоминает Давида Штрауса, знаменитого автора «Жизни Христа», к которому первая Алиса Гессенская долго питала платоническую любовь, полную мистицизма и экзальтации. Я имею в виду Алису, дочь королевы Виктории, которая вышла замуж в 1862 году. Ее дочь, будущая российская императрица, родилась только в 1872 году, полностью впитав мистические настроения матери. В сложной щекотливой ситуации, сложившейся при российском императорском дворе, молодая чета сразу попала в нелегкое положение.

Александра Федоровна очутилась в непривычной враждебной атмосфере, которую постоянно отягощала угроза террористических покушений на императора. Современная и образованная юная английская принцесса постепенно все больше и больше превращалась в средневековую царицу. Приняв православие сначала по необходимости (русский царь мог жениться только на православной), она неожиданно погрузилась в религию с самым фанатичным, примитивным, суеверным рвением. Паломничества, мощи святых, пряди волос блаженных, образа, распятия, иконы покровительниц, толпы нищих, монахов, монахинь, паломников, проходимцев, святых, ложных святых, обогащавшихся на своей вере... Она лихорадочно, истерически молилась, прося сына и наследника. Десять лет безуспешно. Местные святые не помогали, пришлось обращаться к иноземным чудотворцам, известнейшим из которых был некий Филипп, уроженец Лиона. Царь с царицей строго следовали всем его рекомендациям и указаниям, но наследника не получили. В конце концов Филипп был отправлен в Лион. Феофан, будущий злополучный покровитель Распутина, объявил его одержимым «нечистым духом» после того, как тот в качестве медиума устроил общение Николая II с духом его отца Александра III.

Наконец на десятом году супружеской жизни появился на свет цесаревич Алексей, можно сказать вымоленный у судьбы ценой погубленной жизни, ибо для молодой императрицы его рождение знаменовало конец нормального разумного существования. Прежде Александра Федоровна заботилась главным образом о семье, а с того момента начала все пристальнее следить за государственными делами. Отныне самодержавие для нее означало не только власть мужа, но и, конечно, будущее сына. Алексей должен был стать истинным самодержцем. Властная императрица не считала достойными истинного царя неопределенные пассивные методы правления Николая. «Стань новым Петром Великим, покажи, что ты властелин, и твоя воля будет исполнена, — писала она позже. — Важно, чтобы министры боялись тебя».

Но над путем Алексея к короне нависла тень смерти, сына царицы одолела загадочная болезнь, унаследованная по материнской линии. От гемофилии умерли ее юный брат, дядя, двое племянников. Теперь настал черед Алексея. Надо ли говорить, что переживала царица, когда в судьбе сына уже не приходилось сомневаться?

Физические последствия родов и нравственные страдания подорвали телесное и психическое здоровье Александры Федоровны. Еще до войны вдовствующая императрица Мария подмечала, как невестка теряет душевное равновесие. Со временем припадки стали случаться публично. Во время следствия по делу об убийстве семьи Романовых горничная Александры Федоровны мадемуазель Занотти говорила о состоянии здоровья своей госпожи: «Я всю жизнь была рядом с ее величеством, хорошо ее знала, любила. По-моему, она страдала истерией. В последние годы была не такой, как всегда... Что меня удивляло: в приятном для нее обществе душевная болезнь вовсе не проявлялась, ничуть ей не мешала, а среди неприятных людей, которые говорили или делали то, что ей не по вкусу, она сразу же начинала кричать... В последние годы не соглашалась ни с чем, противоречившим ее мнению, действительно считала свои представления непогрешимыми и священными для всего света, а тех, кто думал иначе, просто прогоняла».

Болезнь ребенка была практически неизлечимой. Но Александра Федоровна не из тех женщин, которые без борьбы смиряются с судьбой. Если молитвы бессильны, значит, она недостойна, чтобы Бог к ней прислушался. Она твердо знала, что вера способна горы переставлять. Признав тяжесть своих грехов, императрица искала святого, молитвы которого за нее и за сына Бог не отвергнет. Его надо было найти любой ценой, чтобы Алексей — который, разумеется, будет жить, — в один прекрасный день стал настоящим самодержцем. И вот из гущи народа,

из самых низов, откуда она ожидала своего святого, явился Григорий Распутин.

Он вошел во дворец под маской святости, с чудотворной молитвой, вел себя как блаженный, оставив за дворцовыми стенами дебоширство и неумную похоть.

Правда, он безобразничал и в императорских покоях, но императрица ничего не замечала, отказывалась замечать. Распутин соблазнил няньку совсем еще маленького цесаревича по фамилии Вишнякова, которая потом покаялась и призналась императрице в грехе. Та не поверила, посчитав Вишнякову клеветницей и участницей заговора против старца. Не прислушалась она и к жалобам гувернантки своих дочерей мадемуазель Тютчевой, просившей, чтобы Распутину запретили входить к ним в комнаты. Царь вмешался, отдав распоряжение, но Тютчевой пришлось оставить службу.

Царица слепо верила в способность Распутина исцелять и спасать ее сына. «Она была твердо убеждена, — свидетельствует мадемуазель Занотти, которую я уже цитировал, — в особенной силе его молитвы и думала, что ему непременно удастся умолить Бога исполнить просьбу. Любое улучшение состояния царевича приписывалось молитвам Распутина».

Воспитатель Алексея швейцарец Жильяр говорит: «Своим пребыванием во дворце Распутин безусловно обязан болезни наследника. Понаблюдав за течением заболевания, я понял причину влияния этого человека... С первой встречи он уверял ее (императрицу) в серьезности недуга и в своей способности умолить Бога прислушаться к его молитвам. Поверив в силу старца, она пришла к убеждению, что ребенок будет жить, пока жив сам Распутин. Цесаревич время от времени поправлялся, но улучшение состояния совпадало с визитами старца. Поэтому императрица верила, у нее не было выбора. Эта вера утешала ее душу. Она больше не сомневалась в посредничестве Распутина между нею и Богом, поскольку ее собственные, не поддержанные им молитвы не приносили облегчения. Для нее Распутин был почти святым».

Действительно, не раз на глазах у царя и царицы появление Распутина у постели, казалось бы, умирающего Алексея приводило к кризису и полному выздоровлению. Порой даже простая телеграмма от «нашего Друга» производила желанный эффект.

Несомненно, этот человек обладал поразительной гипнотической и магнетической силой. Но действительно ли он спасал жизнь наследнику? Официальный следователь Соколов, убежденный монархист, глубоко и тщательно изучил все подробности жизни царской семьи. Вот его заключение: «Поддерживающие Распутина монархисты в целом

свидетельствуют о его благоприятном воздействии на здоровье наследника престола. Это неправда. Наследник не излечивался от болезни, тем более радикально, продолжая страдать до кончины. Естественно, огорченная мать может раз-другой нечаянно обмануться. Но никого невозможно годами держать в заблуждении, сознательно не греша против матери и своей совести. Обман облегчался самим характером болезни. Приступ начинался всегда одинаково — с ушиба, любой другой травмы. Возникало и обострялось кровотечение, наступал паралич, ребенок ужасно страдал. Доктор Деревенко облегчал боль, наука помогала, наступал перелом, кровотечение останавливалось, царевич поправлялся. Вполне понятно душевное состояние матери. Она верила в Распутина и в результате сложного психопатологического процесса целиком приписывала результаты лечения ему, а не медикам. Но мог ли Распутин столько лет сохранять свое влияние, рассчитывая на одну материнскую веру? Для этого ему требовался помощник. При неподкупной честности доктора Деревенко святому необходим был во дворце сообщник, слепое орудие его воли, неспособный к разумной оценке событий, от которого он в любую минуту получал бы необходимые сведения. Только им, естественно, не станет несговорчивый врач. Вскоре Распутин его нашел. В лице Анны Вырубовой он обрел преданную рабыню, жившую во дворце».

Жильяр говорит о лечении Алексея то же самое: «Я уверен, что Распутин, которого Вырубова уведомляла о течении болезни, появлялся у постели больного — посоветовавшись с доктором Бадмаевым* — в самом начале кризиса, после чего ребенок поправлялся. Ее величество ни о чем не догадывалась. Естественно, это не раз производило на нее впечатление, в конце концов она поверила в святость Распутина». Мадемуазель Занотти подтверждает: «Оставшееся у меня впечатление от визитов Распутина к больному царевичу таково: он являлся в тот самый момент, когда заканчивалась критическая фаза».

Впрочем, не важно, лечил Распутин или не лечил. Главное, что в представлении матери он держал в руках жизнь ребенка, тем самым полностью подчинив себе волю царицы, став ее абсолютным властелином.

В чем секрет такого успеха? Гипноз, магнетизм, сверхъестественная сила взгляда?

Во время войны и весной 1915 года французский посол Палеолог встречался с Распутиным. Инициативу, по его словам, проявило

---

* *Бадмаев* — близкий Распутину тибетский знахарь, популярный в Петрограде «целитель».

Царское Село. Вот как он описывает старца: «Длинные прямые темные волосы, густая черная борода, высокий лоб, крупный торчащий нос, чувственные губы. Но вся сила его личности как бы сосредоточивалась в светло-голубых глазах, необычайно ярких и в то же время глубоких, притягательных. Взгляд одновременно пронизательный и ласкающий, наивный и лукавый, внимательный и рассеянный. При серьезном разговоре зрачки его словно бы испускали магнетическое излучение. На этом “святом”, мистике, лежала какая-то внешняя печать мерзости, от него шел острый животный запах грязи».

Председатель Думы Родзянко признавался, как трудно выдерживать взгляд «святого чёрта».

Протопопов, последний министр внутренних дел, назначенный Распутиным, говорил, давая свидетельские показания Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством: «Не стоит говорить, что для меня не были тайной частые появления Распутина при дворе и то, что он в курсе всего происходившего там. Потом, когда я стал министром и встречался с ним, у меня сложилось мнение об источнике его влияния: по-моему, он был не совсем нормальным, а взгляд его производил особенно сильное впечатление. Он обладал способностью оказывать гипнотическое воздействие на некоторых людей, особенно на женщин и детей».

Кстати, сам Протопопов испытал на себе гипнотическую силу Распутина. Впрочем, на невосприимчивых людей, не ждавших от него никаких милостей, он производил неприятное впечатление, а порой вызывал даже непреодолимое отвращение. Месье Жильяр, к примеру, писал: «Мне не приходилось видеть старца с тех пор, что я жил во дворце, но однажды, собираясь выходить, я встретился с ним в передней. Я успел рассмотреть его, пока он снимал свою шубу. Это был человек высокого роста с изможденным лицом, с очень острым взглядом серо-синих глаз из-под всклокоченных бровей. У него были длинные волосы и большая мужицкая борода; на нем в этот день была голубая шелковая рубашка, стянутая у пояса, широкие шаровары и высокие сапоги. Эта встреча, которая больше не повторялась, оставила во мне неприятное впечатление, которое невозможно определить; в те несколько мгновений, когда наши взгляды встретились, у меня было ясное сознание, что я нахожусь в присутствии зловредного и смущающего душу существа».

Совершенно безжалостный портрет Распутина рисует бывший председатель Государственного Совета Коковцов, которого мы уже цитировали: «Когда Распутин вошел ко мне в рабочий кабинет и уселся в кресле, я был поражен отталкивающим выражением его глаз.

Глубоко сидевшие в орбитах близко поставленные маленькие серо-стальные глазки как бы впивались в меня, и Распутин долго не отводил взгляда, словно старался оказать какое-то гипнотическое воздействие, хотя, может быть, просто внимательно изучал меня, видя впервые... Подали чай, Распутин взял горсть пряников, бросил в чашку и снова уставил на меня рысьи глазки. Мне стали надоедать гипнотические эксперименты, и я кратко заметил, что глядеть на меня бесполезно, это не производит ни малейшего эффекта... На мой взгляд, Распутин был самым обычным сибирским разбойником типа беглого каторжника, который по инстинктивно усвоенным правилам играл роль наивного святого. Казалось, для полноты картины ему недостает только каторжной робы с бубновым тузом. Когда ее величество позже осведомилась о моем впечатлении от «мужика», я ответил, что впечатление в высшей степени неприятное. Проговорив с ним почти час, я видел перед собой типичного сибирского разбойника из тех, с кем в начале карьеры имел дело в каторжных тюрьмах и на сибирских этапах, человека из категории «не помнящих родства», скрывающих свое прошлое, опорощенное преступлениями. Я даже добавил, что не хотел бы с ним встретиться в темном переулке, настолько он отвратителен и бесчестен со своими так называемыми гипнотическими способностями, неубедительно эксцентричен в нарочито простом и даже рассудительном разговоре».

И вот в 1911–1912 годах этот типичный каторжник, по выражению Коковцова, грязный чувственный тип, на взгляд Палеолога, темная личность, по словам вдовствующей императрицы, стал доверенным лицом российских самодержцев! Неизлечимая болезнь цесаревича, истерическая прихоть императрицы, непонятное безволие императора, опустившегося до роли простого орудия, — все сошлось, чтобы сделать Распутина всемогущим вершителем судеб мировой державы. Когда разразилась война, он один оставался у власти в своем, так сказать, «личном министерстве» в Царском Селе, в «малом доме» Анны Вырубовой, фаворитки и лучшей подруги Александры Федоровны.

Характер г-жи Вырубовой прекрасно описал внимательно наблюдавший за нею Жильяр: «Императрица любила окружать себя людьми, полностью ей подчинявшимися, совершенно лишенными собственной воли. Она дарила своей дружбой лишь тех, в своем господстве над кем была уверена. Так было и с г-жой Вырубовой. Она сохранила склад души ребенка, неудачные опыты жизни чрезмерно повысили ее чувствительность, не сделав суждения более зрелыми. Лишенная ума и способности разбираться в людях и обстоятельствах, она поддавалась своим импульсам; ее суждения о людях и событиях были не продума-

ны, но в той же мере не допускали возражений. Одного впечатления было достаточно, чтобы у нее составилось убеждение — ограниченное и детское; она тотчас распределяла людей по произведенному ими впечатлению на «добрых» и «дурных», иными словами, на «друзей» и «врагов». Она была до глупости доверчива, завоевать ее сердце было проще простого. Любила общаться с теми, кто стоял ниже нее, находила в этом удовольствие... Будучи безвольна, она всецело отдалась влиянию Распутина и стала самой твердой опорой его при дворе».

«Вскоре, — говорит мадемуазель Занотти, — рядом с императрицей никого не осталось, кроме двух человек, не заслуживающих доверия: Распутина и Вырубовой. Кроме них, в расчет не принимался никто».

ГЛАВА 3 «Зеленые»

В Царском Распутин устроил свое министерство. В Санкт-Петербурге на Гороховой располагался его двор, где денно и нощно толпились важные персоны. Высокопоставленные чиновники и епископы, банкиры и генералы, крестьяне и мужики, актрисы и светские дамы, монахи и безымянные бродяги являлись по четыре сотни человек в день. Сам старец сидел в столовой или в рабочем кабинете в окружении женской свиты. Время от времени по вечерам он вдруг оставлял всех, садился в машину, устраивал попойку на всю ночь, то в отдельных кабинетах роскошнейших ресторанов, то в самых гнусных притонах. Иногда телефонный звонок из царскосельского дворца нарушал планы Григория, который мгновенно трезвел, даже выпив сверх меры. И сразу мчался вместо кабаре обсуждать с «мамой» (как он звал императрицу) государственные дела.

«Не раз, когда я бывал рядом с ним, — говорил в ходе следствия князь Юсупов, — его вызывали по телефону в Царское Село. Я оставался, ждал его возвращения. Он мне сам признавался, и у меня были самые убедительные доказательства, что с ним консультировались по важнейшим государственным делам в самых серьезных обстоятельствах. Он решал вопрос о назначении военных и министров, наделенных самой высокой ответственностью».

К сказанному можно добавить свидетельство Матрены, дочери Распутина: «Чаще всего причиной дурного настроения отца было сопротивление со стороны министров. Он часто возвращался из дворца озабоченный и сердитый, а когда его спрашивали, что случилось, ругал министров за дурное влияние на царя... Отсюда и его ссоры с императором».

Дом Распутина находился под постоянным наблюдением и охраной тайной полиции, а сменявшиеся министры внутренних дел выделяли огромные суммы на информаторов в доме «человека Божия». Перед Чрезвычайной следственной комиссией, созданной мною от имени Временного правительства сразу после революции, открылась поистине чудовищная картина деятельности Распутина и его клики. Императрицу с Вырубовой окружали самые бессовестные придворные, самые бесчестные министры, вульгарные мошенники и шарлатаны. Многие из последних были связаны с германскими секретными службами; во время войны немцы охотно воспользовались возможностью взять Распутина в плотное кольцо своих агентов и «советников».

Несомненно, Распутин оказался стержнем, вокруг которого плели интриги не только германофилы, но и настоящие немецкие агенты. Это совершенно очевидно.

За деятельностью Распутина пристально следил (в интересах национальной обороны по приказу Ставки Верховного главнокомандующего) один русский офицер, профессиональный разведчик. Вот что он заявил Соколову на следствии: «Мои наблюдения и личные встречи с Распутиным не оставляли сомнений, что в его квартире немцы через свою агентуру могут получать нужные им сведения. Однако ради справедливости должен добавить, что не имею никаких оснований считать его лично вражеским агентом, несмотря на чисто прогерманские настроения... мнения, которые он высказывал, самому ему не принадлежали. Они для него слишком тонкие. Ему их просто вбили в голову и заставили повторять».

Когда А. Н. Хвостова, крайне правого члена Думы, во время войны ненадолго назначили по совету Распутина министром внутренних дел, он, ознакомившись с секретными досье своего министерства, всерьез задумал убить старца. Даже выделил для этого деньги из находившихся в его распоряжении фондов. Он сам мне рассказывал, что достоверно убедился — немцы получают через Распутина самые секретные сведения из Ставки Верховного главнокомандующего, — но удалить его из дворца не имел возможности.

Князь Феликс Юсупов, в конце концов убивший Распутина, говорил на следствии: «Я не раз видел в его рабочем кабинете каких-то неизвестных мне личностей. Чаще всего они появлялись в момент перед его отъездом или возвращением из Царского Села. По возвращении окружали, поили его, всегда задавали конкретные вопросы. Я замечал, что ответы записывают. Я уже тогда понял, что Распутин германский шпион... Однако у меня сложилось впечатление, что, хотя его политическая деятельность этой роли вполне соответствует,

он это делает не совсем сознательно, в определенной мере не понимая, какое несчастье готовит России». Официальный следователь Соколов рассказывал, что Юсупов пытался выведать у Распутина, кто такие незнакомцы с блокнотами. Распутин, по словам Юсупова, с лукавой улыбкой ответил: «Друзья наши. Их много, особенно в Швеции. Мы их называем “зелеными”». И как ни странно, главный почтмейстер Похвистнев, в обязанности которого входил просмотр всех получаемых императором телеграмм, рассказывал позже, что видел одну адресованную царице депешу за подписью «зеленый»*. Эта заранее отправленная телеграмма аллегорического содержания предупреждала против увольнения министра внутренних дел Протопопова.

Я много раз повторял в русской и зарубежной прессе, что Николай II не хотел сепаратного мира, никогда не проявлял подобного желания, даже и не думал о сепаратном мире. Я в этом абсолютно убежден. Точно так же, повторяю, Александру Федоровну никоим образом нельзя назвать «немкой». Она далеко не стремилась помогать Вильгельму II, не имела такого намерения, презирала его, а после объявления войны решительно ненавидела. Однако она действительно и совершенно естественно не хотела войны в июле 1914 года и, если Распутин поддерживал ее в Царском Селе, возможно, даже возражала против войны, поскольку в последние роковые дни перед императорским указом о мобилизации Распутин энергично боролся с самой этой мыслью. Мой друг Суханов, член Думы от Тобольской губернии (родной губернии Распутина), рассказывал, что собственными глазами видел телеграмму старца императору, и показал мне потом копию, отправленную в то время, когда великий князь Николай с министром иностранных дел Сазоновым уговаривали царя издать указ о мобилизации. «Не объявляй войну, гони Николашку [великого князя], — призывал Распутин, добавляя следующее пророчество: — Если объявишь войну, беда тебе, тебе и царевичу». В ходе следствия по делу об убийстве императорской семьи дочь Распутина Матрена говорила то же самое: «Отец был горячим противником войны с императорской Германией. Когда была объявлена война, он, раненный Гусевой, лежал тогда в Тюмени. Государь присылал ему телеграммы, прося у него совета... Отец всемерно советовал государю в своих ответных телеграммах «крепиться» и войну Вильгельму не объявлять... Я тогда была сама около отца и видела как телеграммы государя, так и ответные телеграммы отца. Он так сердился, что рана снова открылась».

---

* В Стокгольме с 1915 г. под руководством германского посла в Швеции действовала информационно-разведывательная организация «Зеленый центр».

Свидетельство офицера, которому было поручено наблюдать за Распутиным, продвигает нас еще на шаг: «Однажды в середине 1916 года мне довелось услышать от него: если бы только подлая баба не пырнула меня ножом, вообще никакой войны не было бы, я бы не допустил. Он также заявлял публично, что войну пора кончать: по-моему, уже достаточно крови пролито. Немцы больше не опасны. Они уже ослабли. Он считал, что мы должны заключить мир с Германией».

Впрочем, мысль о заключении мира не сразу проникла в примитивное сознание Распутина. В начале войны он, казалось, решил: «Если надо воевать, то и хорошо, победа будет за нами». Некоторые здесь видели только хитрый маневр с целью отвести от себя подозрения, чтобы чуть позже получить возможность с легкостью направлять императрицу на путь, указанный из Берлина. По-моему, объяснение гораздо проще: желание мира возникло вместе с бесконечно растущими тяготами войны. Весной 1915 года Распутин уже знал о лишениях, которые терпят крестьяне, — ведь сам он был прежде всего крестьянин. Палеолог вспоминает, что в одной беседе словно между прочим спросил, действительно ли Распутин уговаривает императора сложить оружие. И тот откровенно ответил: «Это вам дураки говорят. Я всегда твержу царю, надо драться до полной победы. Но точно так же повторяю, что война несет русскому народу невыносимые страдания. Я знаю деревни, где остались одни слепые, увечные, вдовы да сироты. Слишком страшно!»

Но еще больше, чем этих страданий, Распутин и Александра Федоровна боялись политических проблем. С 1916 года перед царем и народом стоял выбор: вести войну до общей победы союзников, лишив безответственную клику Распутина власти и всяких постов, или спасать «самодержавие» под эгидой Распутина, заключив ради этого сепаратный мир.

«Постепенно становилось ясно, — говорил В. Д. Набоков, один из известнейших либеральных вождей, — что наша безумная внутренняя политика приведет либо к сепаратному миру, либо к дворцовому перевороту. Прогрессивное общественное мнение утратило всякое доверие к Николаю II, осознав одновременно с народом, что он не способен уже быть царем; кто за царя — тот против России».

В конце 1916 года князь Г. Е. Львов, будущий председатель Временного правительства, возглавлявший Союзы земств и городов*, писал:

---

* Союзы местных сельских и городских властей были во время войны основными административными органами, ответственными за снабжение армии, госпиталей и т. п., поскольку государственная бюрократия с первых же дней проявила свое полное бессилие. (Здесь и далее звездочками обозначены примеч. авт.)

«Не удовольствовавшись подрывом национального единства, они [клика Вырубовой — Распутина] упорно готовились призывать к позорному миру такого рода, что мы были обязаны им сказать: вы — смертельные враги России и монархии, поставившие российское государство на край пропасти».

Слова князя Львова полностью отражали российское радикальное и демократическое общественное мнение. Но и переместившись из независимых городских и земских институтов, кооперативов и рабочих объединений в санкт-петербургские великосветские салоны, великокняжеские дворцы, в круги гвардейских офицеров, мягкие вагоны личной свиты главнокомандующего Николая II, мы в конце 1916 года обнаружим там те же самые мысли и чувства. Протесты великих князей, убийство Распутина, подготовка дворцового переворота были просто разнообразными проявлениями одного и того же важнейшего факта: все вплоть до придворных были убеждены, что больная императрица ведет страну к гибели.

Генерал Дубенский, во время войны находившийся в царской свите в качестве военного историографа при Ставке Верховного главнокомандующего, нарисовал перед Чрезвычайной следственной комиссией поразительную картину настроений, преобладавших среди придворных и гвардейских офицеров: «Люди, с которыми я общался, были всецело настроены против Распутина, ненавидели и презирали его. Я сам считал, что это беда для России. Все мы были морально подавлены. Я часто говорил с князем Орловым (руководителем походного секретариата императора, впоследствии высланным) о недопустимости влияния такой личности, как Распутин. Орлов, понятно, сильно беспокоился по этому поводу. Такого же мнения придерживался и Дрентельн, адъютант императора. Адмирал Ниллов отзывался о Распутине с крайней неприязнью и, отличаясь бурным темпераментом, поносил его последними непечатными словами. То же самое могу сказать о графе Фредериксе (камергере императора). Все известные мне люди, даже адъютанты, кроме, может быть, Саблина, были противниками Распутина... Драматическую ситуацию усугубляли обвинения самой императрицы в активных интригах в пользу Германии; все твердо верили, что она хочет мира и не желает немцам поражения. Распутина же решительно признавали немецким агентом. Помню, особенно в январе повсюду толковали о Распутине, о его близости с императрицей. Даже в семейном кругу мне постоянно доказывали, что Распутин продался врагу. Наверно, вы сами помните, о чем тогда везде говорилось. Однажды я вышел из кабинета повидаться с детьми и их часто бывавшими в доме друзьями. Последние принадлежали, можно сказать, к лучшему

обществу. Один из моих сыновей учился в Лицее, где у него было много приятелей, немало наших хороших знакомых были гвардейскими кавалеристами. Нилов обычно заодно со мной говорил: не могу верить в ее предательство, только она им явно симпатизирует... То же самое сказал мне князь Орлов, покидая императрицу, отправившись то ли в Ливадию, то ли куда-то еще, отчего он переживал страшный кризис. Говорили даже, будто он ушел в монастырь».

Как понимать утверждение адмирала Нилова о «явных» германских симпатиях императрицы?

Во-первых, очевидно, что для императрицы не существовало больше ни армии, ни народа, у нее оставался лишь сын и обязанность всеми силами сохранить для ребенка самодержавную систему власти. Точно так же понятно, что в борьбе за власть Алексея императрица пошла бы на самые крайние меры. Наконец, по общему мнению, Распутин и прочие сомнительные личности под его руководством толкали царицу к сепаратному миру.

Юсупов, расспрашивавший Распутина насчет сепаратного мира, впоследствии показывал: «Я слышал от него: война не должна продолжаться, пора ее кончать, хватит кровь проливать. Он это безоговорочно повторял много раз. Однажды на мой вопрос, как к этому относятся в Царском Селе, он ответил: “Никак. Конечно, злодеи говорят другое, да только не важно, последнее слово за мной. Поэтому с императором все время ругаюсь... он никогда дела не раздувает. Императрица — мудрая государыня. Все взяла в руки, сама правит. Образуется. Такая уж народная воля”».

«Народную волю» к сепаратному миру предстояло осуществить Протопопову, последнему царскому министру внутренних дел. После смерти Распутина этот политический деятель стал в глазах Александры Федоровны его преемником, олицетворявшим дух «человека Божия», даже мудрость самого Иисуса Христа, стоя за царским тронem!

Но под надетой Протопоповым маской духовности скрывался хитрый ум.

Большевики его арестовали, потом перевели в государственную лечебницу в связи с нервной болезнью. Время от времени ему позволялось бывать в доме некой г-жи Рысс, жены известного русского журналиста, занимавшегося политическими заключенными (включая бывших министров) при содействии организации «политический Красный Крест».

В 1918 году Протопопов во время дружеской беседы в квартире г-жи Рысс открыто изложил задуманный в 1916 году мирный план.

Летом того года он посетил столицы союзных стран во главе делегации российских парламентариев. На обратном пути остановился

в Стокгольме, где имел беседу с представителем германского министерства иностранных дел. (Кстати, любопытно отметить, что среди его стокгольмских корреспондентов оказался тот самый шведский банкир Ашберг, который позже, в 1917 году, служил посредником при передаче Ленину немецких денег.) Конечно, в беседах с семьей Рысс Протопопов утверждал, что «вопрос сепаратного мира не поднимался», желанные приготовления даже не начинались. По его мнению, когда за несколько месяцев до того от России отвернулись союзники, она лишилась возможности вести войну, и российскому правительству следовало тогда же отдать приказ о прекращении огня. Затем Россия с союзниками должна была начать переговоры с Германией, которые ввиду обстоятельств остались бы безрезультатными. Если бы союзники отказались от переговоров, России тем не менее следовало, заключив мир с Германией, прекратить боевые действия в обусловленный день. В этом случае она становилась нейтральной страной.

Но в начале 1917 года проекты по поводу нейтралитета канули в бездну, уже отрезавшую царицу от народа. Стоя у постели больного ребенка, Распутин направил на мученический путь несчастную мать и всю императорскую семью.

